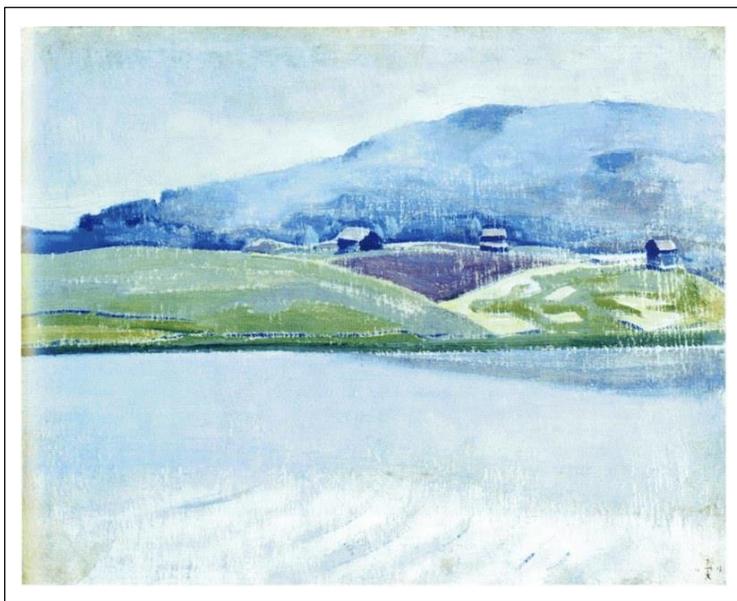

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих. Туманное утро (Туман рассеивается). 1917.

1 июля 1918 г.
Стихи Н.К. Рериха

БЕЗДОННО

Ты, Могущий, везде и во всём.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведёшь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружие, одежда...
Кругом много птиц и зверья,
чего же нам? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвёл вереск. Ржавые
мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней сдавились
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утёсов

ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма
спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени всё круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полётов.
Вой далёкий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лёд,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошёлся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

1. VII. 1918

Н.К. Рерих. Белый всадник (Всадник дня). 1918.

12 июля 1918 г. Сортавала

Письмо Н.К. Рериха к Галлен-Каллела Акселю

Сортавала. Тулолансаари, дом Баринова.

12 июля 1918 года.

Мой друг Аксель!

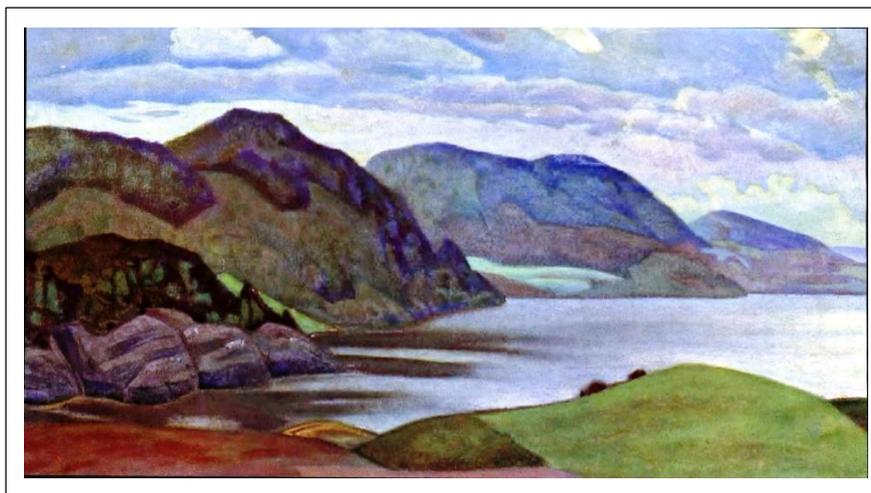
Получите наши искренние комплименты. Моя жена и я слышали разговоры о твоём героизме и о том, что твой сын был серьёзно ранен. Надеемся, что сейчас он выздоравливает. Мы часто думаем о тебе, потому что вот уже

больше года, как мы в Финляндии. Зима застала нас в Сортавале, и мы восхищались энергией и организаторскими способностями финнов, из ничего они создали армию. Теперь мы живём в Тулолансаари, это час езды от Сортавалы на пароме. Я много работаю, природа этих мест мне бесконечно нравится. Мы были бы очень счастливы, если бы ты приехал провести у нас несколько дней. Я бы так хотел показать тебе мои последние работы. Милый друг, у меня есть к тебе большая просьба. Мне необходимо получить в сенате разрешение на перевоз моих картин и красок багажом. Я уверен, что если ты замолвишь словечко о значении моих работ, я получу это разрешение. Я также думаю, что несколько слов от тебя или от художественного общества властям Сортавалы могли бы мне очень помочь. До сегодняшнего дня мне не на что жаловаться, можно только восхищаться их любезностью. Но время бежит, мне хотелось бы, чтобы они узнали, что у меня есть друзья, ценящие моё искусство. Надеюсь, что это письмо дойдёт до тебя. Буду счастлив, узнать твои новости.

С искренней дружбой,

Н. Рерих

Публикуется по: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха.

Н.К. Рерих. Ладога. 1918.

(Цветное воспроизведение в Монографии Ярёмко. 1931 г.)

17 июля 1917 г. Сортавала
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

*Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландер, номер Рериха
17 июля 1917 года*

Дорогой Александр Николаевич,
Как бы часто ни писать, теперь всегда между письмами будет бездна. Каждый день приносит ужасные вести: помни, что я живу на Yhin-lahtia, а в переводе: на заливе Единения. Само слово напоминает о том, что нужно, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа. Неужели опять вернуться к культурному безразличию. Неужели можно думать о свободной жизни без знания, без радости искусства. Спуститься ли искусству до толпы, или же властно

поднять толпу до найденных пределов искусства? Скоро ли искусство нужно будет толпам? Я верю человечеству, но всегда боюсь толпы. Сколько над толпой противоречивых, злых эманаций. Так много вредного нечеловеческого. Творим картины, но, может быть, надо сидеть в Комиссиях? Кто знает? Письмо твоё мне многое напомнило из наших сидений. Неужели опять будем сидеть? Чем кончилось с Академией?

Мы очень удивились, узнав, что ты попал в наш Новгород да ещё так недалеко от моего валдайского каменного века. Сообщали нам об эксцессах в том краю. В Бологое у старика Путятин сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли. Точно так мы богаты для разрушений. Неужели прошёл закон об аресте художественных произведений. Ведь нельзя же всё решительно запретить в свободной стране. Горький, выступив против твоего взгляда, опять не попал. Почему он так часто не попадает? Ведь ему угрожает единение, как ты пишешь, с Савостиным и Фаберже. Надо сплотиться всеми силами за культуру и искусство. Какое бы отношение мы ни встретили, мы должны сказать друг другу, что поклянёмся защищать наше дело, ради которого мы вообще существуем. К вражеским ударам мы уже привыкли, в этом наша судьба так сходна. За это время я сочинил эскизы для сюиты: «Героика»¹⁰. Искренне возмущен я отношением к твоим эскизам — к Соловью. По справедливости, по существу Ты должен делать эти декорации. Ведь это не в Головинском кругу. Думается, и Стравинский должен проявить настойчивость более определённую. Как всё это пахнет старым строем. Где Яремич? Что он мне не пишет? Он один из немногих хороших и твёрдых людей. Привет Анне Карловне. До следующего боя осенью, до свидания. Пиши о настроениях.

Душевно твой

Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ, ф. 137/168.

29 июля 1917. Сердоболь.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Заказное.

Петроград. Морская, 38.

Общ. Поощрения Художеств.

Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, сочувствую мысли Комитета. Прошу собрать Комитет 9-го Августа в Среда (час безразличен). Непременно приеду. У меня тоже есть вопросы. Привет Ст[епану] Петро[вичу].

Ваш Н. Рерих

29 Июля 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 2-2 об. (На штампах даты: Сердоболь. 02.08.1917. // Петроград. 11.08.1917.)

АВГУСТ

9 августа 1918 г.

Из письма Вадима Диганова Н. К. Рериху¹

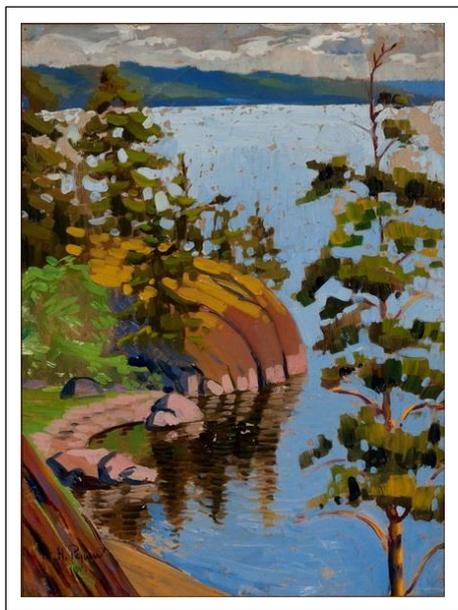
9.VIII. 1918 года

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

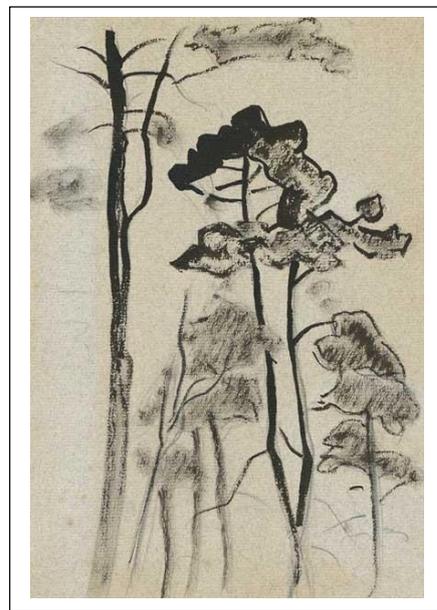
Итак, подтверждаю: всё для экспедиции в район Ловозеро и на его острова мною подготовлено. Интересны эти пустынные места Лапландии не только загадочной болезнью местных аборигенов-лопарей - "мереченьем", но и некоторыми странностями горных пейзажей, находками в пещерах и тем, как себя начинают чувствовать приезжие люди, попадая в эти места. Словом, здесь много всего "загадочного". Но лучше самому увидеть и прочувствовать.

Посему - приглашаю! ... Словом, жду!

Искренне Ваш Вадим Диганов

Н.К. Рерих. Карельские сосны. 1917.

Н.К. Рерих. Сосны . 1917.

12 августа 1918 г. Сердоболь

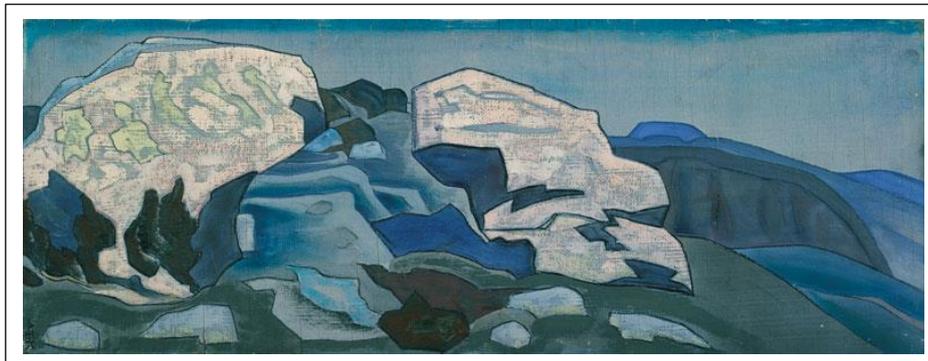
Из записей в дневнике Н. К. Рериха:

Сердоболь. 12.VIII.1918 г.

Проснулся в начале седьмого. За окном ветер в соснах, видно, как на берег катятся пенные волны. Над беспокойным озером носятся чайки. Через открытую форточку слышны крики, пронзительно- печальные, будто они жалуются на что-то. Отдаленный лай собак, которых здесь видимо-невидимо. В комнату вливается свежий воздух, пропитанный ароматом карельского мокрого лета. Я прислушиваюсь к себе. Да, я здоров, я окончательно поправился. И сегодня, сейчас, во время завтрака, я покажу своей Ладе письмо от Вадима Диганова, очень оно

¹ Письмо А. Диганова и последующие записи из финского дневника Н.К. Рериха – источник: Сайт Е.Б. Герман.

кстати. Пора встряхнуться, пора совершить ещё одно путешествие по здешним землям в Лапландию. Всё, о чём пишет Вадим, чрезвычайно интересно. Да, да!

Н. К. Рерих. Ладога. 1918.

15 августа 1918 г.

Телеграмма из Шведской миссии – Рериху Н.К.

ТЕЛЕГРАММА

Профессору Рериху
Тулолансаари. Сортавала.

РАЗРЕШЕНИЕ ЗДЕСЬ С МАЯ. ШВЕДСКАЯ МИССИЯ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма на финском бланке. Отправлена 15.08.1918. в 19 ч. 10 мин., получена 15.08.1918 в 21 ч. 10 мин.

20 августа 1918 г. Ревда

Из записей в дневнике Н. К. Рериха:

Ревда. 20.VIII.1918 г.

Село Ревда - большое, просторное, одноэтажное. Вокруг тундра, заболоченная тайга, на горизонте неясно видные, расплывающиеся в синевом мареве головы сопок.

Здесь одна из лесопилок Ивана Спиридоновича, на которой все оборудование уже разобрали старательные финны. Остановились в большом доме управляющего лесопилкой, Василия Петровича Захарова. Он в смятении: как жить дальше, как прокормить семью? Решил организовать рыболовецкую артель, будут промыслять на Умбозере. Говорит: "Однако где уверенность, что не придут эти, в черной коже, и не заберут все - на нужды прожорливой революции".

Добрались сюда за сутки, несколько раз застревали: как говорит Вадим, "болота дорогу поели". Хорошо, лошади сильные, запрягли их цугом сначала в одну телегу, потом в другую. Завтра в путь, к Ловозеру, вёрст примерно восемьдесят.

Радуют меня сыновья: все их интересует, не чураются никакой работы, Юрию особенно нравится обихаживать лошадей. А Святослав за все берется с одинаковым рвением, но скоро ему надоедает, норовит ухватиться за что-нибудь еще. С возрастом, уверен, такая разбросанность пройдет, появится интерес к чему-нибудь одному (...)

Сейчас лето, длинный день, солнце заходит часа на два, и всю ночь на западном горизонте пылает феерическая заря. Какие краски! Обязательно напишу. Но представляю, каково здесь зимой, в пору, когда этим заброшенным миром владеет глухая и ледяная полярная ночь, и только живые многоцветные веера северных сияний иногда раскрашивают чёрную мглу, освещая замершие поселки и стойбища лопарей, разбросанные далеко друг от друга в белом безмолвии снегов, скованных лютым морозом.

Итак, завтра в путь!

20 августа 1918 г. Тулолансаари
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела

20 августа 1918 г.

Мой дорогой друг Аксель!

Я тебя искренне благодарю за любезное письмо и за сертификаты. Мы будем очень счастливы увидеть тебя и твоего сына в Тулолансаари. Довольно трудно точно узнать дату нашего отъезда, но думаю, что мы останемся три или четыре недели в доме Баринова. Я послал письмо твоему другу из Ваасы. Конечно, с собой у меня есть несколько картин, но хотелось бы знать, какой жанр он предпочитает. Я слышал, что при красных была полностью разрушена большая коллекция картин. Кому принадлежала эта коллекция и какие авторы там были? Моя жена передаёт тебе привет. Надеемся видеть тебя и твоего сына в Тулолансаари.

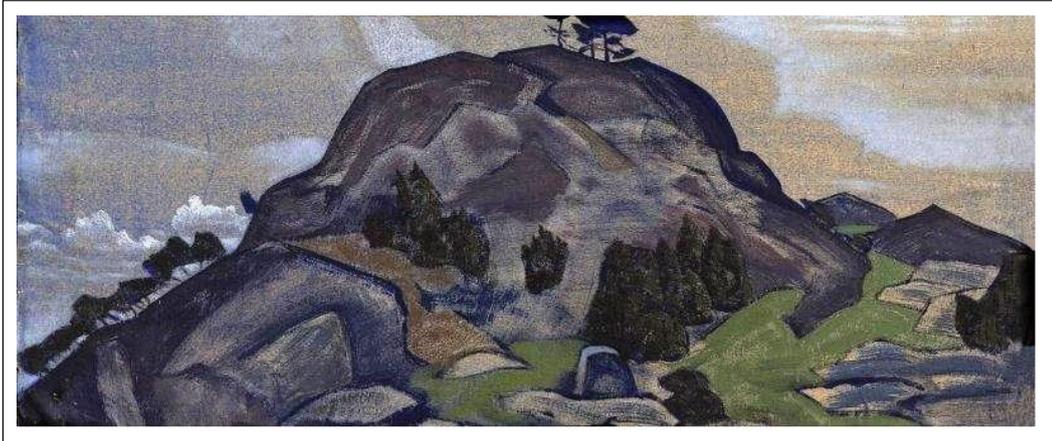
Искренне твой

Николай Рерих

Публикуется по: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха С. 64.

Юрий Рерих. Интерьеры комнат [в доме Баринова]. 1918. Рис.

Н.К. Рерих. Лапландский замок. 1918.

20 августа 1918 г.

Из дневника Н.К. Рериха²:

Южный берег Ловозера
20.VIII. 1918 г.

Второй день мы живём здесь, разбив лагерь, то есть, поставив палатку на самом высоком месте, которое нашли. Впрочем, оно рядом с берегом. Вокруг болотистая тундра, кое-где скальные образования: прямо из болот или тундры, покрытой или ягелем, или низким кустарником, поднимаются уступами длинные и короткие гранитные скалы высотой сажен до двадцати, На небольшой возвышенности, близко от нашей палатки, старое заброшенное кладбище лопарей, могилы почти стерло время, ни крестов, они ведь язычники, ни памятников, только иногда на еле заметных холмиках - камни, на них - ничего. (...)

Еще вчера совершили маленькую экспедицию по исследованию берега, дошли до южной оконечности озера и неожиданно оказались у начала мощной дороги, по которой явно никто не ездит, но она в прекрасном состоянии: высоко насыпана, утрамбована так, что на ней ничего не растет, а сверху - тонкий слой дробленого камня. Кем? Каким образом? Привезти сюда дробленый камень невозможно - вокруг болота, даже троп нет. Но главное - зачем? Кому нужна эта дорога? С какой целью она проложена? У Ильи мать из здешних мест, рассказал, что дорогу эту старожилы помнят с незапамятных времен: "Всегда тут была". И ведет она напрямик через болота и тундру к соседнему Сейдозеру, до него версты две. Мы проделали вчера это путешествие в две версты, хотя уже порядочно устали, больше, пожалуй, от впечатлений и переживаний, вызванных внезапной короткой бурей.

И что же мы увидели? Вернее - открыли? Дорога, которую ни при каких обстоятельствах не могли проложить аборигены- лопари в этих местах, привела нас на берег Сейдозера, которое совсем небольшое, с того места, на котором мы оказались, отчётливо был виден противоположный берег. И...

Во-первых, присмотревшись, мы обнаружили, что стоим на площадке, явно возведенной здесь руками человека ("Или каким-нибудь другим разумным существом", - сказала, несколько странно улыбнувшись, моя Лада. Я был

² Место хранения рукописи неизвестно.

озадачен её словами. Что-то она знает. Или догадывается. Давно надо было привыкнуть, но не могу.) Эта возвышенность абсолютно правильной круглой формы, её склон, спускающийся к воде, расчищен от кустарников. Или, наверно, точнее сказать, на этом склоне ничего не растёт. То есть, как теперь пишут во всяких географических изданиях, мы оказались на смотровой площадке.

Во-вторых... И сейчас по моей спине бегут мурашки. Следует уточнить: от восторга. С площадки, на которой мы столпились, отчётливо виднелась отвесная скала на противоположном берегу Сейдозера, отражавшаяся в воде, как в зеркале, и на её явно отполированной вертикальной грани была изображена тёмная человеческая фигура огромных размеров.

Все были ошеломлены и заворожены открывшейся картиной. Все молчали...

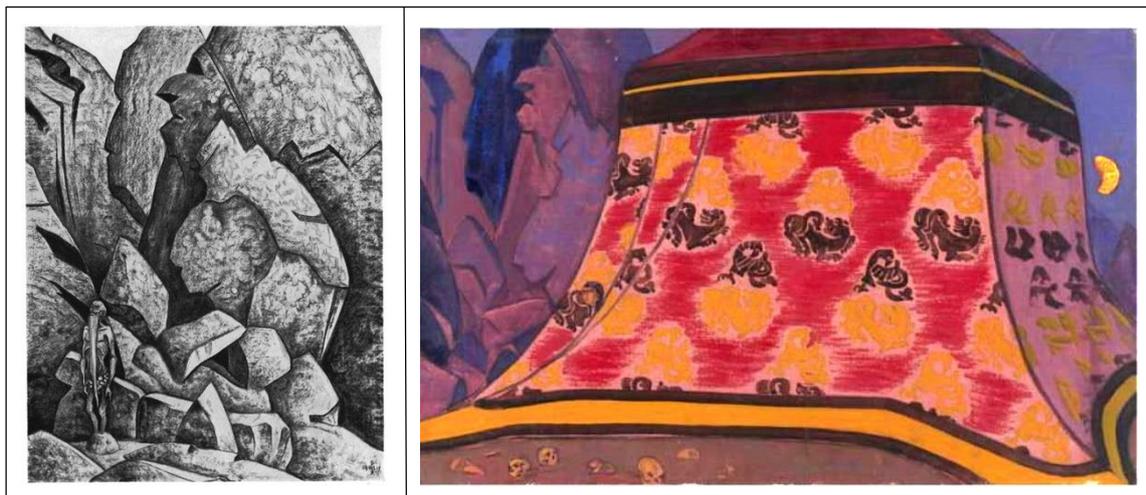
Молчание нарушил Славик:

- Пошли! Пошли отсюда! Не хочу на него смотреть!..

И всем нам, непонятно почему, сразу захотелось уйти. Что мы и сделали. Должен заметить: спешили, несмотря на усталость. Не оглядывались.

Но завтра мы туда вернёмся. Продолжим исследования.

Мир полон загадок.

Н.К. Рерих. Экстаз . 1917.

Н.К. Рерих. Тайна . 1918.

23 августа 1918 г.

Южный берег Ловозера
23.VIII. 1918 г.

Только что вернулись из второго похода к Сейдозеру. Сейчас - 23.15. Вальсую с ног от усталости, но надо записать, иначе могут забыться какие-нибудь подробности.

Невероятно! Все невероятно.

С утра отправились по дороге, которую Слава назвал "Звёздной", уж не знаю почему, но что-то есть в этом названии. Спешили. Странно: я заметил, что всех нас охватило нетерпение - скорее бы очутиться на смотровой площадке, увидеть эту гигантскую фигуру чёрного человека на отвесной грани скалы, которая на противоположном берегу под самым углом уходит под воду

озера. "Только бы не испортилась погода!" - несколько раз повторила Лада в крайнем возбуждении.

Но погода была великолепной весь день: безоблачно, солнце, еще жаркое, легкий южный ветер.

И вот мы на смотровой "площадке". Сразу изумление - смотрим на Чёрного человека. Да, он на своём месте, на отшлифованной грани скалы. Расстояние до этого своеобразного наскального изображения - сажен двести пятьдесят, может быть, триста. Он на месте. Но - и это заметили сразу все - другой. Вернее, что-то изменилось в его позе, таинственный пугающий незнакомец вроде бы чуть-чуть повернулся налево, и - самое невероятное - на его голове был тоже черный котелок. По форме даже модный, современный котелок. Вчера его точно не было.

"Надо подойти ближе и как следует рассмотреть", - предложила Лада.

"И вообще исследовать ту гору", - сказал Глеб.

И мы двинулись к скале по левому берегу Сейдозера, очень медленно, часто обходя болота или преодолевая их, - хорошо, что по совету Ильи мы взяли несколько широких досок, которые нашлись на паруснике Саши: клали их на неглубокие болота как мостки, преодолев несколько сажен, перемещали дальше. Подобрались к скале.

Но нас ждало разочарование: вблизи Чёрный человек исчез, мы могли видеть, подойдя вплотную, только тёмные пятна на каменной скале сероватого цвета. Кстати, скала с изображением не купалась в озере, как это казалось издали, со "смотровой площадки", между водой и отвесной каменной гранью было сажени три. Словом, Чёрного человека можно было увидеть только издали. Или, может быть, с лодки, если к скале плыть через озеро. Интересно, с какого расстояния изображение начало бы исчезать? Но у нас не было лодки.

Дальше нас ждали другие, более чем странные открытия...

Мы решили обойти скалу вокруг и, если найдем тропу, подняться на её вершину, что, впрочем, представлялось маловероятным: почти вертикальные гранитные уступы встретили нас. Скала оказалась в основании огромной, верст пять-шесть по окружности. Скалу, или наверно это будет правильнее, гору пересекали глубокие ущелья. И в одном из них мы обнаружили... Её первой увидела Лада, закричав: "Смотрите! Что-то белое и высокое! Как свеча!" И действительно, в каменном гроте стояла большая желтовато - белая колонна, примерно в два человеческих роста, выточенная из однородного камня, очень похожего на мрамор, но без прожилок. Свеча, только гигантских размеров. Рядом с ней лежал тёмный кубический камень. Абсолютно вымеренный до миллиметра куб!

Сейчас я думаю: мы попали в древнее капище или аборигенов - лопарей, что маловероятно, или тех, кто жил когда-то, в доисторические времена. (...)

Следующее открытие, не менее загадочное, ждало нас на северной стороне горы: мы увидели, что на высоте примерно двухсот сажен зияет огромная чёрная пасть пещеры, и к ней ведёт очень круто вверх вполне отчётливая тропа. "Поднимаемся?" - нетерпеливо спросил Глеб (...)

Мы поднялись: Юрий был молодцом, он, я видел, преодолел страх. Он хотел узнать, а потом, если удастся, понять! Горжусь своим старшим - он в меня. И в маму.

Мы оказались возле пещеры, это была расщелина, которая явно вела вглубь земли. Три, хотя и стёртые временем, каменные ступени вели вниз, а

дальше начинался полный мрак. У нас не было свечей, ни фонаря. И я видел: не только меня - всех охватило давящее ощущение... Сейчас определяю его так: противодействие незримых сил. Кто-то хотел, чтобы мы шли дальше, вглубь земли. А может быть, нас - или меня испытывали?

Едва заметная тропинка от пещеры вела направо, и, пройдя по ней недолго, мы остановились: перед нами был тупик - нагромождение каменных глыб. Зато с того места, где мы стояли, неожиданно открывалась широкая панорама на восток: ровная болотная тундра, в маленьких озерах поблескивало солнце, и посреди этой северной пустыни возвышались три невысокие сопки, которые, если их соединить линиями, образуют равнобедренный треугольник. Но самое удивительное заключалось в том, что сопки были похожи по конфигурации на пирамиды, и явно их главные грани были кем-то искусно сделаны: такие осмысленные, совершенные формы природе не под силу. Впрочем, смотря, что подозревать под Природой.

Мне, когда я рассматривал сопки-пирамиды, пришли мысли о том, что, скорее всего, мы оказались среди обломков могучей просвещенной цивилизации, когда-то существовавшей здесь и исчезнувшей, оставив о себе загадочные, обрывочные воспоминания.

Мои размышления прервал возглас Глеба, который прошел еще немного вперед, протиснувшись меж каменных глыб: "Идите скорее сюда!"

Кое-как мы по очереди пролезли в узкую щель между камней и оказались у явно замурованного входа или в пещеру, или в склеп: отчетливо были видны "швы" между камнями, заполненные неким веществом темнокоричневого цвета. Но это была не глина, вещество оказалось тверже камня. Но... "Вы смотрите сюда!" - прошептал Глеб. Я не поверил своим глазам: на замурованной поверхности, в левом углу был изображён... Нет, правильнее сказать - вырос цветок лотоса! Да, именно так: самый почитаемый в Индии цветок, только каменный, вырос, вернее образовался из того же вещества, которое скрепляло камни, замуровавшие вход в подземелье. Цветок был барельефом, как бы выдирающимся из кладки, его питали те силы, которые находятся ТАМ, в подземелье. Некое усилие присутствовало в позе цветка - другого слова не нахожу: он вырос только что! И даже кусочки этого темнокоричневого вещества были под ним, на земле, корни каменного лотоса, прорываясь к нам, разрушили породу.

И я испытал мгновенную смесь сладостного восторга, и - наверно, так? - не менее сладостного ужаса: я понял, что цветок каменного лотоса пророс совсем недавно, может быть этой ночью. И он явлен здесь мне. **Он - вестник.**

Я поймал себя на чувстве... Нет в моём языке слов для его определения. На чувстве: сейчас я брошусь на эту замурованную стену, вырву из неё каменный лотос и за ним будет проход. Я знаю, куда он ведёт....

"Папа, папа... - услышал я голос Юрия. - Что с тобой?.."

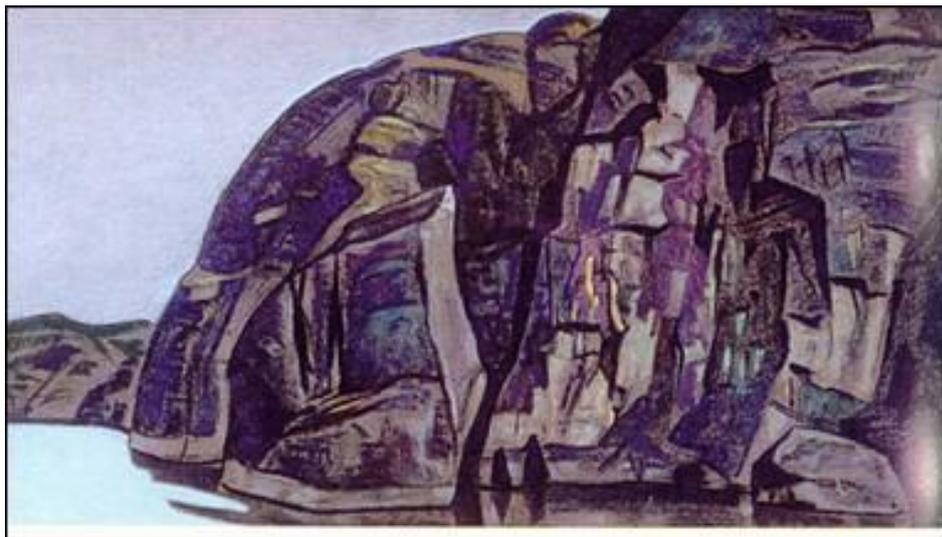
Оказывается, все смотрели на меня. У всех были испуганные лица. "Давайте спускаться", - я попытался сказать это спокойно, но мой голос был хриплым, слова вырывались резко. "Может быть, попытаемся извлечь из камней цветок?" - предложил Владимир. "Нет! Нет! - запротестовал я. - Мы не сумеем, а только разрушим его. Спускаемся!"

И, наконец, последнее событие, вернее видение этого дня. Мы вернулись на смотровую "площадку", в которую упирается "Звёздная дорога", окончательно измотавшись, преодолевая болота по левому берегу Сейдозера. Солнце

висело над горизонтом и, похоже, совершенно не собиралось за него опуститься.

Между тем был уже одиннадцатый час вечера. На площадке сухо, мы расстелили войлочную подстилку, мальчики на неё тут же плюхнулись - хоть немного отдохнуть перед последними двумя верстами, - преодолев их, мы наконец окажемся в своём базовом лагере. Мы с Ладой тоже присели на мою куртку.

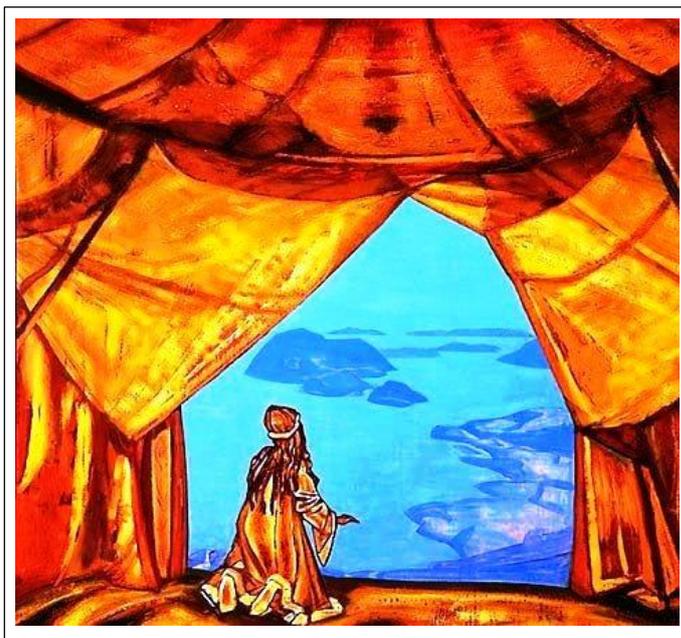
Сейчас мне кажется, что мы все одновременно посмотрели на огромную фигуру Чёрного человека, изображённого на скальном обрыве на противоположном берегу Сейдозера. У кого-то вырвался возглас изумления. И немудрено...

Н. К. Рерих. Утес.

Чёрный человек был другой: он стоял, повернувшись к нам в профиль, и на нём был длинный плащ с капюшоном, закрывавшим лоб, наверно, до бровей, утреннего котелка не было, а глаза, вернее, там, где на лице должны быть глаза, отчётливо светились два малиновых пятна. На гору с фигурой чёрного великана падали лучи закатного солнца. Может быть, они создавали этот жуткий феномен? Но так я думаю сейчас. А тогда... Никто не проронил ни слова. Все вскочили, стараясь не смотреть на противоположный берег Сейдозера. Я взглянул на Святослава. Он был бледен, но не плакал, молчал и - может, мне показалось? - был крайне сосредоточен, похоже, думал о чём-то, очень важном для него. Всю дорогу до "дома" никто не проронил ни слова.

После ужина - есть не хотелось никому: не было аппетита, все валились с ног от усталости, и телесной и духовной, когда неудавшаяся трапеза закончилась, Святослав, таинственно поманив рукой, вызвал меня из палатки, и мы отошли в сторону, нас никто не мог слышать. "Папа, я знаю, что есть Бог, - тихо сказал Слава. - И я верую, честное слово - верую! Но, папочка, ведь он... Ну чёрт или дьявол... Он тоже есть?" И я ответил моему младшему сыну: "Да, он есть, тёмный князь мира сего. Но если ты веруешь в Бога и Он живёт в твоём сердце, дьявол не страшен тебе: он никогда не сможет завладеть твоей душой".

Властитель ночи. 1918. Сюита "Героика".

ВЛАСТИТЕЛЬ НОЧИ

Должен Он придти – Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встаёт Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовём. Вызовем. Огонь жёлтый, и юрта золотая, и блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдёт Он, желанный. Придёт ведунья. И зажжёт травы. И вспыхнет зелёный огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдёт Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдёт та, злая. И бросит красные травы. И заволочёт туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь. Откройте. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы, и багровее пламя. Ах, приди и останься. И потянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. А вы уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намёт. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыла намёт. И вот она стоит на коленях. Ушёл приказ. Ушло волхование. И тогда пришёл Он, властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Всё стало просто. Ах, так проста ночь. И проста звезда утра. Он дал власть. Дал силу. И ушёл. Растаял. Всё просто.

*Н.К. Перих
1918 г.*

Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов «РЕРИХ». (Опыт духовной биографии). Новосибирск. 1994.

25 августа 1918 г. Joensuu

Неожиданные встречи

Joensuu, 25 Авг. [1918]

Теперь везде много особенно неожиданных встреч. Много их и в Финляндии. Некоторые из них хотелось бы описать. Очертить круг русской колонии, сложившийся под такими неожиданными условиями. В Куопио, в Нейшлоте, в Карелии везде разбросаны маленькие группы русских. Среди русских в Финляндии оказался и академик Рерих.

Уже более полутора лет Рерих живёт в Карелии на ладожских шхерах, так близких его мотивам. Наш мастер по болезни лёгких должен был задержаться после прошлого лета, а там перерыв сообщения и некоторые затруднения оторвали его временно от России. Теперь, по-видимому, недомогание лёгких оставило художника. Он болеет за Россию, но твёрдо верит в неё, смотрит бодро, работает. При нашем свидании художник получил письмо от своего друга Акс[еля] Галлена-Каллела, в котором тот заботится о том, хорошо ли живётся нашему мастеру. Мне удалось видеть несколько новых произведений художника. Он занят небесной сьютой «Хранитель земли». Всадники утра, заката, дня и ночи. После чего Вечный Хранитель земли, победив дракона, возвращается в свой замок. Кроме того, много мотивов Карелии. Ясно видны новые углубления, новая звучная кристалличность воздуха, ещё более выдержанные, точно эмалевые краски. Как особенность, я заметил, что большинство вещей написано на досках. Этот стойкий материал, мне показалось, очень идёт к суровому творчеству мастера.

Определённые деятели вызывают известные сопоставления. Если Врубель представляется нам волшебником, если Сомов напоминает русского помещика, если Бенуа вызывает образ алхимика, то Рерих напоминает нам варяга. Не только по имени, не только по искусству, но и по особенностям внутренней жизни он как-то близок северным искателям. Спартанец в своём внутреннем обиходе, выносливый любитель передвижения, искатель, неизменно верный своей основной песне, он умеет, как никто её углублять.

Художнику предлагали устроить выставку картин в Стокгольме, но он мечтает о возвращении в Россию - к своей также любимой художественно-просветительной деятельности.

Вспоминая известные картины Рериха, появившиеся перед войной и перед революцией («Змей проснулся», «Меч Мужества», затем «Ангел последний», «Град Обречённый» и «Дела человеческие»), с надеждой смотрел я на его «Хранителя земли».

Следующая встреча с Л. Андреевым.

Ив. Голосов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф неизвестного.

*29 августа [1918] г. Тулолансаари
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела*

Мой милый друг Аксель!

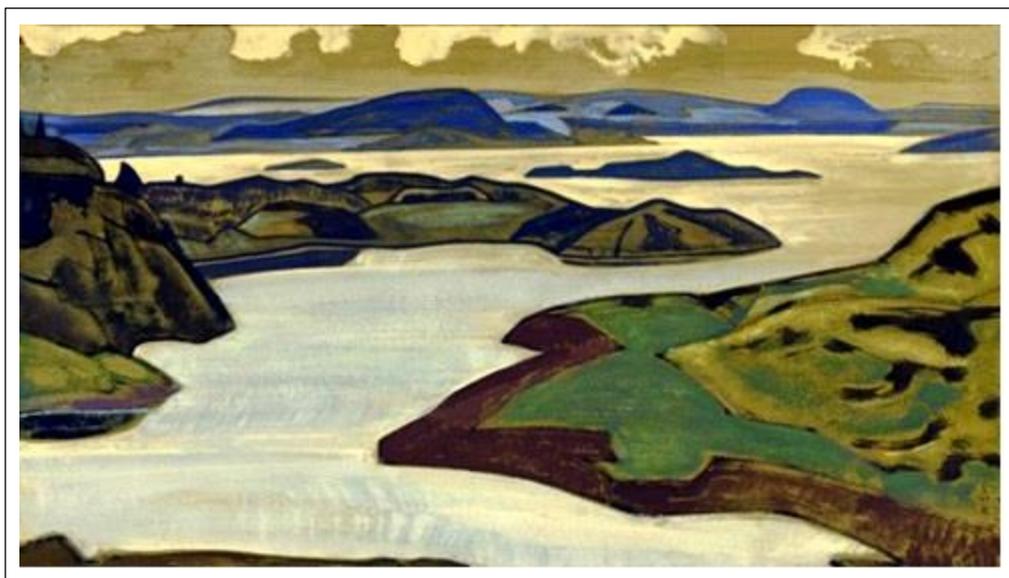
Надеюсь, что это письмо ещё застанет тебя в Каяни. Нужно, чтобы ты срочно рекомендовал меня губернатору Выборга господину Хекселю. В противном случае очень возможно, что мне придётся покинуть Финляндию. Меня информировали, что с 1 сентября снова начнётся выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа или жильё. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных. Вот, пожалуйста: известная личность, известное имя и общественное положение и высылка из Финляндии только по причине национальности. Такого не случалось никогда ни в одной стране. Когда мне сообщили эту новость, я засмеялся. Но только что я получил письмо от человека, которому доверяю. Этот человек советует мне застаться рекомендательными письмами от исключительно известного и ценимого в Финляндии человека. Я сразу же подумал о тебе. Твоё имя мне поможет. Мне очень неловко тебя вновь беспокоить, но что делать. Я утешаюсь тем, что, может быть, позже смогу тебе помочь. Как бы я хотел видеть тебя, поговорить с тобой, знать, о чём ты думаешь, о том хаосе, который нас окружает. Если бы нас не преследовали, мы бы остались здесь ещё на три недели, а на зиму бы остались в Выборге (у нас уже там намечено жильё).

С благодарностью и дружбой

Твой Н. Рерих

29 августа, Тулолансаари, Сортавала.

Публикуется по изданию: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха. Самара. 2001.

Н.К. Рерих. Острова. Ладога. 1918.

СЕНТЯБРЬ

10 сентября 1918 г.

Письмо А. Галлен-Каллелы к губернатору Выборгской губернии

В канцелярию губернатора Выборгской губернии.
Выборг.

ПРОСЬБА

Могу настоящим подтвердить, что мой знакомый и друг, русский подданный, художник господин Николай Рерих заслуживает всестороннего доверия и возможности пребывания в стране, где ему будет угодно, для чего ему нужно выдать официальное разрешение остаться в Финляндии.

Мне будет очень стыдно, если иностранного художника, господина Рериха, не уважают и без визы вышлют. Своей подписью прошу официальные власти, чтобы господину Рериху оказали всяческое содействие и поддержку на время его пребывания у нас в стране.

Руовеси, 10 сентября 1918 года.

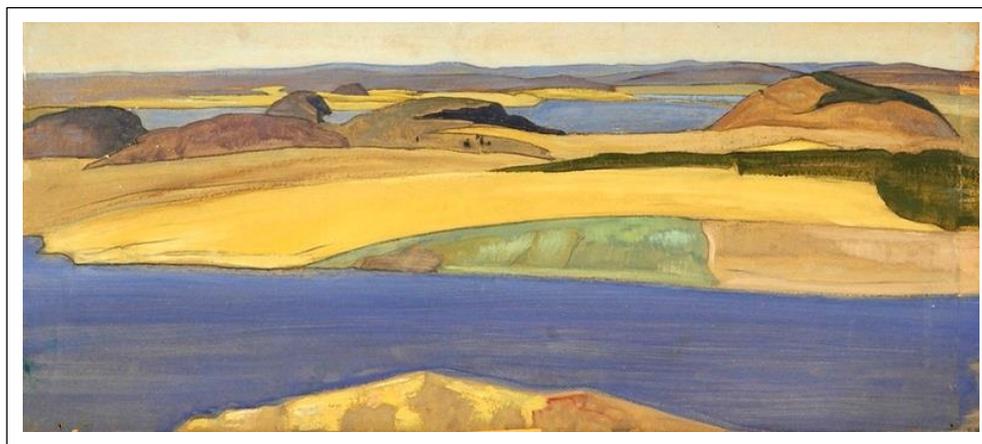
С уважением, *Галлен-Каллела*

Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1.
Перевод с финского Эрkki Кяхконена.

Сентябрь 1918 г. Финляндия. Тулола.

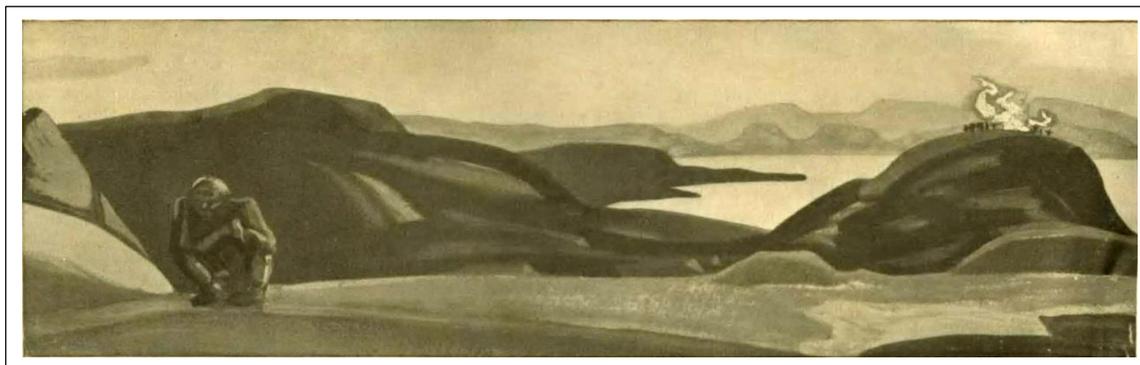
"Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?..."

"Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно..."

Н.К. Рерих. Тулола. 1918.

Сентябрь 1918 г. Тулола.

Н.К. Рерих. Отверженный. 1918.
(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмко. 1931 г.)

Н.К. Рерих.

ПЛАМЯ (письмо)

В измятом холщёвом пакете я получил, наконец, письмо. Часть пакета была залита дождём или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло моё. Пока шёл ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернётся письмо, на котором надо написать: "по дороге до города..... оттуда переслать по реке до устья Передать в село для пересылки с оказией до перевала, где вручить крестьянину села, а ему указано, как доставить по принадлежности". Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно - исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их ещё недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имён и местностей (я опущу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишённым местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

"Пламя" - так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть мой друг простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счёл нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

* * *

"Ты нашёл меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всём происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Всё описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как на сон. Второе - вернее.

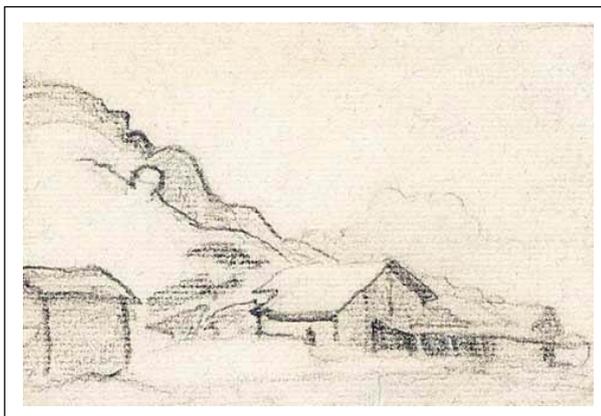
Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат - выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать всё, как было, - слушай.

Просто так, как было.

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом тёмными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана - их, кажется, бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

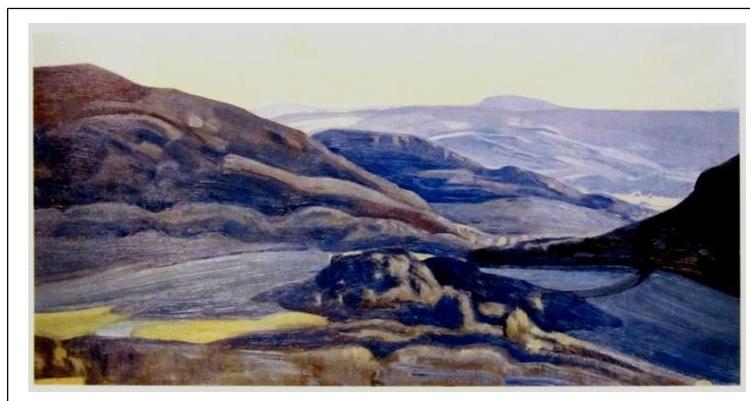
Жилья не видно.

Н.К. Рерих. Тулола. Этюд. 1918.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, - на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жильё. А может быть, это - просто скала. Налево и сзади сгрудились скалы, покрытые лесом. Чёрные озёрки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитую цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие....

А может быть, всё это - просто воображение...

Н.К. Рерих. Финский пейзаж. Остров Тулола. 1918.

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль о постройке храма, где сохранятся достижения культуры

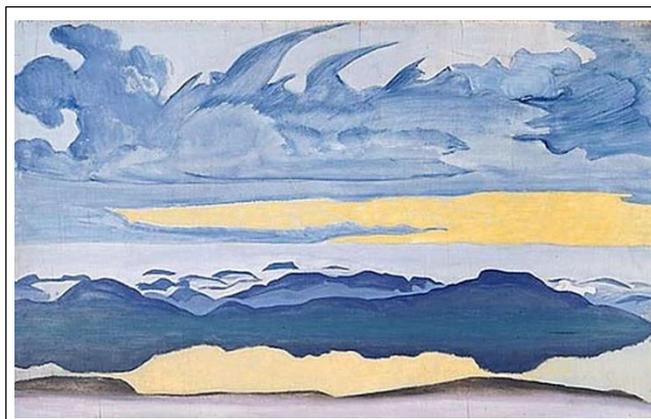
нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непорочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего - такое хранилище - было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на чёрной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, жёлтые листки, точно опавшие листья с далёких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далёкой Чёртовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждёт наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произносит вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда, дальше посёлка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали чёрной точкой покажется сойма. Он ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их - малодушие.

Н.К. Рерих. Небесный всадник. 1918.

Но человекообразием мы всё же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями. В смертельных поединках поражают тёмного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остаётся невыполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо весёлых игр волн под утёсом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Всё это остановило бы внимание настолько, насколько всё это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что север мрачен и беден, то знай, что он севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую даёт север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к северу без предубеждения. Где найдёшь такую синеву дальше? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников? Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашивать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потёмков? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, всё равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить её от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Всё это один раз по просьбе уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, - ведь путь очень труден.

Ещё один раз, - последний, я заставлю себя для тебя записать всё бывшее. Если не всё, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит - не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово "пламя".

Теперь моё пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет памяти бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Без имён. Без времени.

* * *

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоётся, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю её. Даже уничтожаю. Мысль и умение стремятся вперёд. Всё сделанное ранее уже слишком несовершенным.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с сюитой картин, объединённых названием "Айрана Ваджа".

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчинённых одной сущности. Сочинённых, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчётность, подневольность. Торговля в храме. Будни - в празднике. Праздник - в буднях. Наши выставки - разве это праздники творчества? Право - подёнщина. Отчёт. Обязанность. Конторская книга. Всё это со временем изменится. Всему найдётся своё место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое - ничтожным. Третье - неизобразимым. Но всё в искусстве создаётся не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества - не верьте. В этом уже скрыто чьё-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчётности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях - победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе своё непосредственное очарование, все уверения, все законы будут бессильны.

В чём это очарование? В чём истинная правда произведения? Где границы радости и подъёма, сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? - Мы не знаем. К счастью не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно даёт и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно всё, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти тёмные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почётные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошёл.

Ковал мою "Ваэджу"³.

3 «Айрана-Ваэджа», что означает «Исток Ариев» («ваэджа» переводится с авестийского языка как «зерно», «исток»). Айрана-Ваэджа неоднократно упоминается в древнейших книгах зороастрийцев как священная земля. - *Ред.*

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твёрдо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он даёт спокойствие мысли. Только он открывает глаза на красоты, нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок, среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определённом порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собой. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвящённым. Четвёртые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и всё это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

- "Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что моё чувство - ничто для вас!" И я тоже слышал эти слова. И всё-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... Кому-то не передали приглашения... кто-то пришёл незванный. Не всё ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидел, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъёме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был твёрд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий зажёгся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя бы на короткое время перенесены в печатню.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печатню только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он всё умел объяснять - "краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются и потому точные копии будут вполне достаточны".

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка показалась приемлемой.

Этот же дьявол нашёл того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было лишнего.

Помнишь ты, того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. И я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углублённо и, видимо, с подъёмом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печатню. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашёл ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нём более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Всё это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что когда издатель, бледный, ворвался с криком: "Печатня сгорела. Картины погибли", - мы даже не удивились.

Вот оно: обрушилось то, что уже висело над нами. Мы ещё не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: "Вот оно".

То, молчаливое вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка родила другую.

Всё разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, ещё раньше уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить её у себя. Не принять её я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я купил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок.

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изощённость всех сожалений. Ты издали всё-таки слышал о моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали ещё более яркими, нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувственными адресами. Иностранные академии избрали меня почётным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни - наконец воплощённая - истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились всё ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На моление моё не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчание моё только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днём необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он всё приходил. Сторожил. Берёг посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною. С тобой мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник не давал о себе вестей. И сейчас я ещё не знаю, вернулся ли он? Или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься или начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же, наконец, я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моём невольном попустительстве.

А тебя всё не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать ещё раз подлинные картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И, казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трёх, четырёх случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущённо.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели - слепые. Слушали - глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя-то пылает?

Вот тогда оно блестит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями, тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще.

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А "умудрённый" человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это же ясно. И вот когда к одной ясности прибавится ещё целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли - повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из тёмных углов высывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

- "Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покачивалась бы тишина и слава. А теперь куда пойдёте вы с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы и пепел всё покрыл бы..." Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещённые пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка - когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И всё-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и бескорыстно и заблуждённо, но всё-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло ещё так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка - когда решил в последнем доверии к людям вторично показать картины. Тем довёл до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины сказал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлён ли ты, что пишу я о моём потрясении спокойными словами. Точно не о своём. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

Итак, все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые

за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом, эти анонимные письма? Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И цепь звякала. Тащили её беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдёт. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскивали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь всё давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползёт, как раки из корзины; всё сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Закрыто. Кончилось - среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя - пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, всё так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий всё время. Труд, в далёком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Ещё смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Всё, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно. Далёкие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу ещё поднялись в цене. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и голод - это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все преходящи. Всегда, по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего не значит, ни худое, ни хорошее. А

избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощённое жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя моё уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде помыслим.

И будет всё так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребёнка. Ребёнку случается видеть тяжёлый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, тёмные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперёд обращён. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня всё это более не касается. И со встреченными людьми мы прикоснёмся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим - слепые.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь её рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут всё описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лёд подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберёгся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн: "Не болей, придётся много для Родины потрудиться". А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зоны и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие её знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймёте?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Ещё страшнее злобы они.

Где оно - облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звёзд и луны не осветили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид?

Среди безумия толпы что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить всё, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распушенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится чёрный век наш. Что произойдёт ещё?

Неужели ещё раз увижу себя расстроенным? Неужели ещё придётся уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете всё немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я ещё не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьянённым загадками; расскажу чтецам звёздных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас ещё не знаю, но вы уже проходите близко. Озарённые пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, то задержу месяца ещё на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется ещё многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы ещё поедem с тобою или в или на берега в Туда, где нас ждут, где ждёт нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Кончу словами белой книги. Помнишь, её мы любили вместе читать:

----- "Знай, что то, которым проникнуто всё сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого воплощённого, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся".

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою"

* * *

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твоё письмо.

Знаю, ты простишь меня. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверного. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из неё:

"Взираи лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим - плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным".

Верю, что ты вернёшься. Жду тебя, друг мой.

Тулола. Сентябрь 1918.

Публикуется по изданию: Николай Рерих. Пути Благословения. Алатас. 1924.

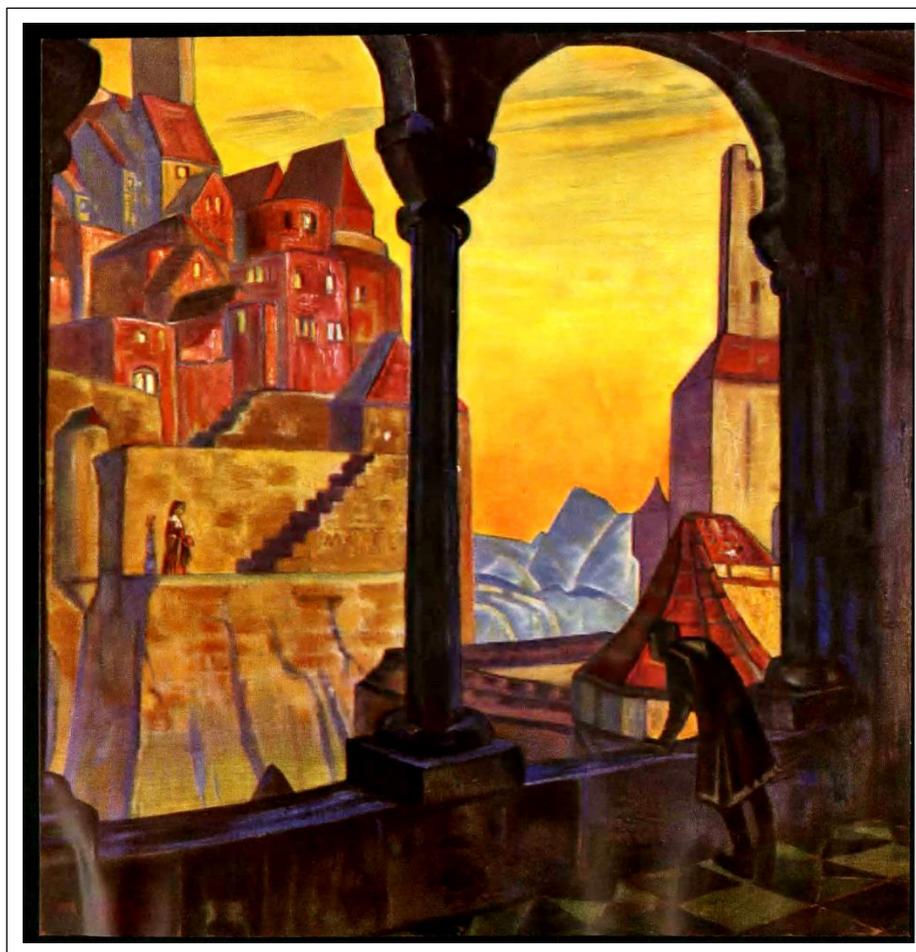

Н.К. Рерих. Закливание огня (Мистерия).
Эскиз.

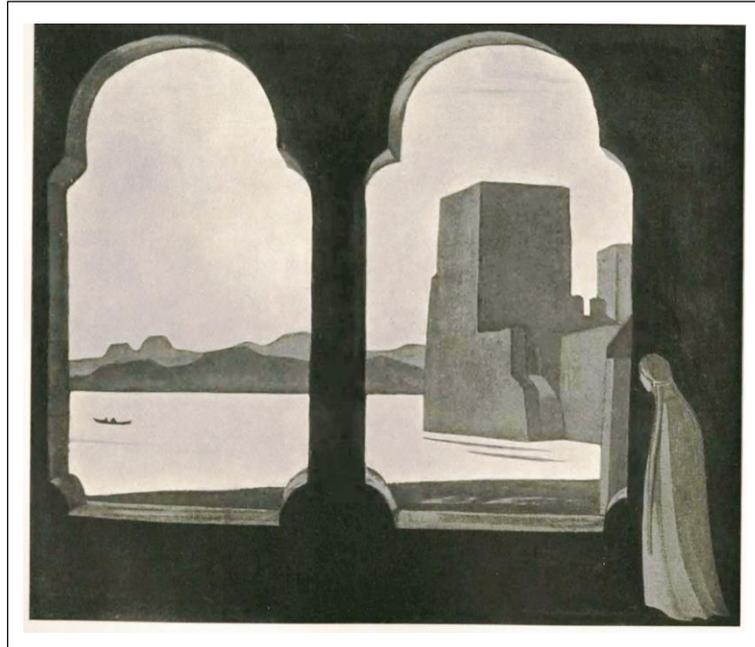
Заклинатель (Превращённый змей). 1917.

Послесловие...

"Вспоминаю всегда рассказ, как критик указал на неправильный рисунок какой-то детали картины, а художник в тот же день исправил его, но большинство публики, тем не менее, усматривало несуществующую небрежность рисунка. Этот анекдот отдаёт правдой. Особенно же бывает забавно, когда начинается художественная травля и некоторые зрители получают разрешение печати возмущаться. То-то уморительно бывает смотреть, как они возмущаются, фыркают и брызжут, словно бы на любимую их мозоль наступили, словно бы искусство для них было невесть чем-то близким, а ведь целый год о нём готовы не вспомнить. И попробуй уличи их, что они говорят с чужого голоса, так, куда тебе, - выйдет что ещё в люльке они тем же возмущались, когда ногами барахтали..." (Н.К. Рерих. Художники (старые разговоры). 1900 г.)

Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917.

Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917.
(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко. 1931 г.)

**30 сентября 1918 г. Станция Тюрисева, дача Левстрем
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К.**

30 Сентября 1918 г.

Дорогой Николай Константинович! Когда я узнал от Гуревичей, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован. Я ещё не знал, как и когда удастся нам повидаться, я не знал даже Вашего адреса, чтобы написать, но один факт, что Вы здесь, в том же кругу ада - сделал самый ад не таким угрюмым и чёрным. Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня - *свой*.

Со всею радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочёл Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович! Дорога простая: станция Тюрисева, оттуда две версты прямой шоссированной дороги до имения Орловского, где находится и наш временный приют, именно на даче *Левстрем*. Можно на извозчике, легко и пешком. Если бы я знал, с каким поездом приедете, то встретил бы Вас на станции.

Дружески обнимаю и крепко целую. Будьте здоровы, приезжайте — жду!
Любящий Вас

Леонид Андреев

Простите, что пишу на машине, совсем отвык рукою, царапаю так, что трудно разобрать.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 255-256.